

УДК 639.1.052:9(=511.1)(470.21)

М.Г.Кучинский.

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ОБЛАГАЕМЫХ УГОДИЙ ДЛЯ СААМИ КОЛЬСКОГО УЕЗДА В XVI-XVIII ВВ.

Аннотация:

Налоговая политика Российского государства в XVI-начале XVIII вв. основывалась на обложении податями и повинностями владельцев наиболее доходных природных ресурсов. В связи с ценностью этих угодий к ним особенно проявлялся интерес со стороны пришлого населения. Коллективы саами по-разному ответили на эти внешние вызовы. Источники показывают три экономические стратегии: продажу угодий, сдачу их в аренду и использование их для участия в рыбном рынке. Кроме того, можно увидеть и разное отношение к праву на пользование этими угодьями: приватизация угодий, закрепление доли в общих угодьях и сохранение угодий в коллективном распоряжении. Таким образом, изменение статуса угодий повлияло на трансформации в саамском обществе.

Ключевые слова:

саами, Кольский уезд, налоговая политика, отношения собственности, угодья, коллективное владение, приватизация, наследование

M.G.Kuchinskiy

SOCIAL ROLE OF THE TAXED NATURAL RESOURCES FOR THE SÁMI OF KOLA UEZD IN 16TH-18TH CENTURIES.

Abstract

The tax policy of Russian state in 16th-18th centuries was based on the rating by payments and duties from owners of the most profitable natural resources. The newly arrived people were interested at those sources too because of their value. The Sámi collectives gave the different answers to this request. The written sources show three economic strategies: the selling of natural resources, leasing of them, using of the resources for the fish market. More, it is possible to see different relation to right of the ownership and using of the natural resources. They are: privatization of the resources, fixing of the allotment in common resource, keeping the resources in collective order. Thus, a change in status of natural resources influenced the transformation in the Sámi society.

Key words:

Sami, Kola uезд, tax policy, property relations, natural resources, collective ownership, privatization, inheritance

Введение

Сегодня, на наших глазах создаются и оформляются новые формы организации хозяйственной деятельности народов Севера. В связи с этим одной из актуальных проблем является изучение экономических и социальных отношений, которые складывались вокруг отношений владения, бытовавших у этих народов в прошлом.

Налоговая политика Российского государства в XVI-начале XVIII вв. в значительной степени основывалась на обложении податями и повинностями

владельцев природных ресурсов. В условиях Севера такими ресурсами были наиболее ценные (с точки зрения государства) рыболовецкие угодья. Ценность угодий определялась их доходностью. В то время наиболее доходными были семужьи реки, озера, заборы, падуны и тони. В связи с ценностью этих угодий к ним особенно проявлялся интерес со стороны пришлого населения. Оба эти фактора – интерес налоговой политики и интерес промышленников изменяли статус этих угодий и влияли на экономические и социальные отношения внутри общества саами. Влияние налоговой политики и рынка на трансформацию социальных отношений у саами Кольского уезда в рассматриваемое время и является темой данного исследования.

Подходы, библиография

Литература, специально посвященная теме экономических взаимоотношений саами Кольского уезда и в XVI-XVIII в., немногочисленна. Особенно следует отметить работы И.Ф.Ушакова [Ушаков, 1997,1998]. Большая заслуга историка состоит во введении в научный оборот большого числа тем, связанных с историей Кольского Севера. История саами также освещалась в его работах. Основные подходы и взгляды И.Ф.Ушакова применительно к нашей теме мы рассмотрим ниже.

И.М.Калинин [Калинин, 1929] проанализировал взаимоотношения саами Поноя и Йоканги с Воскресенским Новоиерусалимским и Крестным Кийостровским монастырями. Он работал с очень ценными источниками, которые затем были перевезены из Ленинграда в Москву.²⁵ К сожалению, дальнейший путь этих документов нам не удалось проследить. Тем не менее, нам известны другие документы, не известные тогда И.М.Калинину и позволяющие уточнить и завершить описанную этим автором историю владений реками на востоке полуострова.

Норвежский археолог Б.Ульсен выдвинул гипотезу, согласно которой основной причиной расслоения общин саами было противоречие между индивидуальным престижем накопления и эгалитаризмом, характерным для традиционных обществ. Исследователь связывает расслоение на западе и эгалитаризм на востоке Фенноскандии с влиянием там различных церквей – лютеранской и православной соответственно [Olsen 1987, 1988]. Мы рассмотрим гипотезу далее.

Другой норвежский историк – Л.И. Хансен занимается исследованиями общества саами, в том числе интересующего нас периода. Рассматриваемая проблематика затрагивается в ряде его работ [Hansen 1996, 2005, 2006, 2007]. Внимание автора посвящено анализу взаимодействия саами и колониальных институтов, а также влиянию последних. Он подробно рассматривает сложившиеся в литературе теоретические модели этого взаимодействия и

²⁵ «Приходно-расходная книга Белого Двора 1684-1686 гг. Воскресенского монастыря», «Книга великого государя святейшего Никона патриарха таможенная пошлинных и десятинных денег сбору головы Дружины Дятлева с товарищи 167 (1659) года», и «168 (1660) года июня книги приходные денежные Понойского промысла Крестного монастыря иеромонаха Матфея да Воскресенского монастыря монаха Моисея, да головы Дружины Дятлева с товарищи, сколько взято в Крестном монастыре у казначея старца Сергия монастырских казенных денег и что в Понойской волости збирано торговые пошлины и десятины и что у торгу прибыли» [Калинин 1929: 65, 66-67];

трансформации общества саами [Hansen 1996]. На основе анализа корпуса датско-норвежских, шведских и русских письменных источников Л.И. Хансен моделирует особенности социальной структуры и экономической специализации различных групп саами. Его работы помогают по-новому взглянуть на протекание у саами рассматриваемых процессов.

Наши методы работы с источниками основаны на формализации информации источников, унификации этой информации и агрегирования в базу данных. Затем мы проводим контент-анализ получившегося нового источника. Методы такой работы были использованы отечественными исследователями. В частности, были приняты во внимание работы И.Д.Ковальченко, Л.И.Бородкина, И.М.Гарсковой и других [Ковальченко 1987; Бородкин 1986; Гарскова 1994].

Для пространственного анализа были использованы подходы исторической картографии. Разработки, связанные с использованием GIS-технологий в исторических исследованиях, также близки нам. Среди них следует упомянуть работы П.Доорна [Доорн 1993], Н.В.Пиотуха [Пиотух 2004], В.Н.Владимирова [Владимиров 2005] С.З. Чернова [Чернов 1989, 1989а, 1994].

В оценке трансформаций в экономике общества охотников/рыболовов и собирателей мы придерживаемся подхода, предложенного О.Ю. Артемовой [Артемова 2004]. Он состоит в том, что жесткие социальные объединения, с четко очерченной территорией владений, известные в отечественной этнографии как «общины», были сформированы под воздействием налоговой политики.

В предыдущей своей работе нами было показано, как политика государства повлияла на укрепление такого типа коллективов саами как «погост». Следуя современному правилу терминологии саами, эти коллективы мы будем именовать сиййтами. Наименования сиййтов мы будем приводить в соответствии с принятыми правилами [Porsanger 2007: 410-424], а также в соответствии с чаще всего употреблявшимся в источнике названием [Кучинский 2008].

Источники

Наиболее ценным источником для нашего исследования являются Писцовые книги. Так, в 1573-1576 гг. были составлены *Писцовые книги письма и дозору Василия Агалина*. К сожалению, этот документ дошел до нас только во фрагментах и цитатах. Зато сохранился следующий документ такого типа - *Книги письма и дозору Алая Михалкова* (Далее-ПКАМ), составлявшийся в несколько приемов в течение 1607-1611 гг. В нем подробно описываются все владения в Кольском уезде, которые облагались налогами. Именно владение и владельцы являются главным объектом описания составителей документа. Изложенная в книге информация касается объектов владений, включая определение их типов и названий, владельцев и характера владений, формы отчуждения угодий для передачи другим владельцам. Важным является не только описание владений разных коллективов саами, но и способ распределения долей этих владений.

Часто такая ретроспективная информация приведена в виде ссылок на акты. В отличие от полного текста акта, ссылка на него, как правило, не содержит многих важных подробностей. Потому ценными источниками для нас являются сами частные акты: купчие, данные, кабальные, закладные и духовные грамоты. Кроме той информации, которая уже упомянута, эти документы иногда содержат нарративную

часть, комментирующую суть акта передачи угодий, условия и причины его совершения. Эти акты сами являются документами динамики владения.

Немаловажным типом источников являются челобитные. В нашем случае это, как правило, документы конфликтов. Кроме самих фактов владения они также содержат нарративную часть, описывающую видение специфики владения участниками конфликта.

Важными источниками являются приходно-расходные, вкладные и таможенные книги. В них содержится информация о хозяйственной деятельности различных субъектов, а также об отношениях между ними. К сожалению, на сегодняшний день в нашем распоряжении не так много таких источников.

Для того, чтобы реконструировать характер владения, мы выясняем из источника объект владения, имя владельца, основание владения, изменение владения/пользования. Важным также являются условия пользования конкретным владением, а также изменение владельцев.

Налогообложение

Как было сказано, нас прежде всего интересуют те угодья саами, которые, были обложены налогами – «луковой данью» и «оброком». В литературе порой можно встретить трактовку лука и как охотника [Васильев 1982: 49], и как единицы собственности [Ушаков, Дашинский 1988: 30]. Как показывают источники, лук являлся единицей налога, собиравшегося за владение угодьями.²⁶ При обложении владельцев рек, озер, пожен, тоней и других объектов писцами оценивалась доходность этих угодий. Единицей шкалы такой оценки и был лук.

Правительство могло увеличивать размеры дани, повышая плату за лук. Количество луков являлось коэффициентом обложения. Возможна была и переоценка доходности угодий, влекущая за собой пересмотр количества луков. Кроме того, правительство могло обложить луковой данью новые угодья, пользование которыми до того не предполагало выплату дани. Эта форма налогообложения была аналогичной «сохе», «обже» и «копне», являвшимися единицами обложения пашен и покосов, бытовавшим в других местностях России.

Система луковой дани сложилась на Кольском Севере к 1574 г, когда была создана Писцовая книга Василия Агалина.²⁷ Составлявшаяся после этого Писцовая книга Алая Михалкова фактически воспроизвела уже сделанную оценку угодий. Однако, те случаи, когда составитель попытался изменить количество луков или изменить принадлежность угодий, вызвали большое недовольство жителей уезда. Итогом их челобитья стал официальный отказ от признания этого документа. Таким образом, вплоть до отмены самой луковой дани в качестве основы оценки угодий использовалась Писцовая книга Василия Агалина.

²⁶ Потому, кстати, некорректным является изобретенный историками термин «луковладелец». Разумеется, количество луковой дани зависело от размеров и ценности угодий, которыми владел человек, а, значит, было связано с его общественным положением. Однако неправильно налогоплательщика, платящего по определенной тарифной ставке, называть «тарифовладельцем».

²⁷ Подробнее об этом см.: [Кучинский 2008:45].

Луковая дань подразумевала не только выплату налога, но и выполнение повинностей в виде "городового строения", "ямской гоньбы" и воинской службы. По лукам также рассчитывались и так называемые мирские (или земские) сборы – на содержание земской избы в Коле: наем дьяка, палача, закупку бумаги, чернил и дров для отопления этой избы. Во всем этом саамы были фактически на равных с русскими. Новые же, осваивающиеся угодья, подлежавшие налогообложению, уже делались не луковыми, а оброчными. Оброк был фиксированным налогом и не предполагал выполнения повинностей. Таким налогом облагались и саамы, которые занимались морским, а не континентальным промыслом.

Саамы Кольского полуострова и Севера Норвегии в течение средних веков были двоеданными – они платили в Россию (сначала в Новгород) и в Данию (сначала в Норвегию) [СМИКП, №27]. Дань датскому королю до 1591 г. также выплачивалась с угодий. С 1591 г. она превратилась в личный налог и собиралась со всех мужчин. Исключением был лишь Муномашский погост, где дань собиралась с домохозяйства. С конца XVI – начала XVII вв. Россия и Дания перестали пускать собирать дань к «своим лопарям» друг друга. С восточных саамов "королевская поголовная дань" продолжала собираться, но уже в пользу России. "Пограничные" группы саамы по-прежнему ощущали на себе борьбу держав за господство над собой. Характерно, что при продаже угодий саамы передавали свои обязанности, связанные с владением луков, однако, продолжали платить "немецкую (королевскую, поголовную) дань" русскому царю.²⁸

Налоговая система России была изменена податной реформой 1678-1681 гг. Теперь основным объектом налогообложения стал двор. К нему приравнили «вежу» у саамы, «чум» у народов Сибири, «юрту» у степных народов. Многие налоги и повинности, которые раньше рассчитывались по лукам, теперь стали рассчитываться по дворам. Однако не перестали собирать и луковую дань,²⁹ а некоторые из повинностей (к примеру, ямская гоньба) продолжали рассчитываться по лукам. Для саамы сохранилась и поголовная дань.

Луковая дань и подворное обложение были отменены в связи с введением подушного налога Петром I в 1718 г. Плату за владение рыболовецкими угодьями теперь стали вносить в адмиралтейство.

Распоряжение угодьями

Очевидно, что в период, предшествовавший исследуемому, саамы пользовались ценными угодьями не настолько интенсивно, чтобы основывать на них свою экономическую специализацию. Налоги, которые надо было платить за угодья, и повинности, которые владельцы должны были выполнять, естественно, легли бременем на людей и стали отвлекать от привычного хода жизни. Эти перемены для многих людей стали перевешивать тот эффект, который они получали от ловли семги. Кроме того, пришедшие промышленники были лучше оснащены и более мобильны. Они имели выход на рынки сбыта.

²⁸ По устной информации проф. Л.И.Хансена, саамы на севере Норвегии также продолжали платить в Копенгаген «русский налог», который взимался с их угодий.

²⁹ См., напр.: РГАДА. Ф. 667. Оп.1, Дд. 4-9, 11, 13-15, 18, 20-23, 40, 44, 45, 47, 48, 51, 56, 61, 63, 68 Лл. 2, 3.

Совершенно естественно, что они стали проявлять интерес к этим ценным угодьям, и для них затраты, связанные с налогами, окупались интенсивным промыслом на них. В результате действия этих двух факторов сложились три экономические стратегии саами XVII в.

Комплексное хозяйство саами основывалось на различных видах хозяйственной деятельности. Это были охота на дикого оленя и на пушного зверя, охота на морского зверя, рыболовство, не связанное с облагаемыми угодьями (на внутренних водоемах и в море). Все это, кроме обеспечения собственных нужд, давало товар, который можно было выставить на рынок. Таким образом, саами могли принять решение отказаться от облагаемых угодий. Самый простой вариант, который, очевидно, был навязан людям, состоял в полном отказе от ценных угодий, их продаже. Мы видим на карте те места, где данная стратегия была выбрана жителями. На западе уезда крупными покупателями этих угодий были сначала Петровский, затем Печенгский монастыри.

Другой, более щадящей, была практика сдачи своих угодий в аренду. Терские саами, судя по всему, стали выбирать эту экономическую стратегию еще до того, как сложилась система налогообложения угодий. Порой сдача угодий в аренду приводила к конфликтам между арендаторами и арендодателями, связанным с вопросом о выполнении повинностей. Весьма ценные семужьи реки на востоке полуострова привлекали внимание различных промышленников, и потому терские саами легко сдавали в аренду эти угодья. Однако, в середине XVII в. аренды аккумулировали у себя монастыри, основанные патриархом Никоном – Воскресенский Ново-иерусалимский на Истре и Крестный Кий-островский в Онежской губе. Затем, по царскому решению, арендодатели - саами оказались крепостными монастырей. Они продолжали получать некоторую компенсацию за пользование реками, а монастыри платили за них подати. В 1667 г. патриарх Никон был низвержен, а владения его монастырей были переданы в Патриарший дом. Таким образом, и сийиты саами стали патриаршими. Именно так они были записаны в переписной книге 1678/1679 г. С уходом Воскресенского монастыря саами опять начали сдавать свои реки в аренду. В 1675 г. Алексей Михайлович начал благоволять Воскресенскому монастырю и решил вернуть ему многочисленные угодья. Для того, чтобы выяснить ситуацию с использованием семужьих рек на востоке Кольского уезда, из Колы был послан стрелецкий сотник. Доехав до Йоканьги, он дальше подвод не получил, и саами «про Еконгу реку и про Еконской погост кто ими владеет, того не сказали. А сказали старец, де, которой прислан от патриарха в Поной для рыбного промыслу, подвод вам давать не велит...» [РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 446. Лл. 12-17]. Разумеется, никаких старцев там не было, а саами продолжали сдавать реки. Ситуация сохранялась до 1704 г., когда реки были переданы в аренду самим государством. В 1727 государственный тайный Совет издал указ о прекращении сдачи этих рек в аренду. В 1729 г. Крестный монастырь вспомнил о том, что ему были возвращены эти реки, и решил организовать на них свои промыслы. Игумен добился такого решения правительства и послал своего представителя с грамотой на Поной. В это время на Поное появился Михайло Яковлев Панфилов, который организовал поездки в Москву и в Петербург для отстаивания прав на реки, чтобы потом продать их ему. Посыльщики доказывали в инстанциях свое право на эти реки. Так началось судебное разбирательство, которое попеременно шло в Москве и

Петербурге в камер-коллегии. В 1746 г. указом императрицы Елизаветы было решено прекратить все споры и передать все права Крестному монастырю [АСПБИИРАН Ф.110., Оп. 44, Дд., 31, 32].

Третьей стратегией было участие в рыбном рынке. На этом поприще подвизались некоторые из Нотозерских и Соньяльских саами. В отличие от соседних с ними сийитов, они активно боролись за свои угодья и интересы. В течение большей части XVII в. эти два сийита судились с Печенгским монастырем за угодья в Туломе и Улите. Этот спор решился в пользу саами. Эти же сийиты спорили с колянами о рубеже, с которого они обязаны вести ямскую гоньбу, о причислении саами к кольскому миру и обложении их мирскими повинностями. Эти споры были решены в пользу колян. К началу XVIII в. Нотозерские и Соньяльские саами вылавливали на Туломе и притоках до 10% всей семги, выловленной на Мурманском берегу. Вопрос с некоторыми повинностями они тоже сумели решить. Так, для выполнения обязанностей организации почтовой службы на протяжении второй половины XVII в. они нанимали соседние сийиты [см., напр.: РГАДА. Ф.667, оп.1, Дд. 10, 12, 17, 19, 25, 26, 34-36, 42, 43, 46, 49, 50, 52, 55, 57-60, 64-66, 71, 72, 85, 95, 99, 101]³⁰

Характер владений внутри коллективов

В ПКАМ угодья оценены и описаны в связи с податными коллективами – погостами, волостями, селами. Внутри этих коллективов уточняется, как именно распределяются налоги. При описании погостов мы видим различные формы распределения налогообложения. Так, при описании Муномашского погоста дается подробное описание персональной принадлежности угодий: кому и какая доля принадлежит в каждом из них [РГАДА. Ф. 1209, Д. 208., Л 81-86об., 95 об.. 110, 114].

При характеристике Ловозерского, Колдонского, Масельского, Соньяльского, Нотозерского сийитов дается лишь поименное, но не локализованное, описание внутренней структуры лукового обложения (то есть размеров собственности на угодья) погостов [там же, Лл. 160-178]. При описании Мотовского сийита говорится, что все свои угодья его члены продали Печенгскому монастырю, но в перечислении актов этих продаж также упоминаются доли луков [там же, Лл. 109-113 об]. Интересно, что владельцы отдельных проданных долей именовались «урскими», «лицкими» или «китовскими» саами. При характеристике Вороненского сийита описываются лишь размеры владений представителей других погостов, имеющих в нем свои угодья [Там же, Л. 147 об]. Печенгский сийит характеризуется отсутствием у их членов угодий, так как угодья этих саамов на момент составления Алаем Михалковым писцовой книги уже принадлежали Печенгскому монастырю [Там же, Лл. 94 об].

Описание остальных сийитов вообще не позволяет определить характер владений их членов. Для этих погостов используется стандартная формула: "А розводити им тот оброк меж себя самим по своим животом и по промыслам и

³⁰ Кстати, во многих регионах России возникли к тому времени профессиональные исполнители этой повинности – ямщики и целые их поселения – ямские слободы. Остальное же податное население оплачивало их работу.

по рыбной ловле." Такая же формулировка употреблялась и по отношению ко многим русским волостям. Потому мы не можем уверенно говорить о типе владения, который стоял за этой формулой.

Приватизация угодий

Мы упомянули специфическую форму подробного описания частных угодий членов Муномашского сийта. Внимательный анализ позволяет увидеть, что система владения среди муномашских (будущих кильдинских) саами была весьма разнообразна. Система владения неотделима от социальной структуры, потому начнем с некоторых ее черт, встречающихся в источнике. У саами этого погоста упоминаются фамилии. К сожалению, мы не можем установить характер родства для большинства этих людей. В некоторых случаях источник упоминает о мужчинах как о братьях или сыновьях. Для простоты будем называть их носителями одной фамилии. Всего в книге зафиксировано 42 взрослых мужчины.³¹ Владельцами угодий являются 17 мужчин и 1 женщина. В связи с этим сийтом упоминается 21 угодье, перечисляются тони, реки, озеро. Из них 4 угодья фактически находились в общем пользовании без деления на доли. Большинство угодий находились во владении носителей четырех фамилий. Некоторые из этих угодий – в долевом владении носителей разных фамилий. В некоторых случаях угодье было поделено на доли между носителями одной фамилии, в других – просто находилось в общем владении родственников. Некоторые угодья были в персональном владении. Очень важным показателем характера владения является тот факт, что о доле владения мы узнаем как о проданном, заложенном или сданном в аренду угодье, то есть речь идет о том, что угодье или его сать была приватизирована и могла быть отчуждена.

Угодья часто делились на "участки", "доли", "выти", "части", и дроби - "трети", "четверти", "половины" и т.д. Двойное понимание деления (синхронное и диахронное) не дает возможности определить значение этих терминов.³² Остается ясным, что в один и тот же сезон человек не мог пользоваться угодьями в разных концах территории сийта. Правда, он мог иметь право на соответствующую часть добытой рыбы, зверя, птицы и моржа, но, пожалуй, лишь гипотетически. Гораздо понятней это было в ситуации, когда человек получал долю от аренды какого-то угодья. Очевидно, что на обладателя доли в общем угодье распространялась также и доля обязанностей.

Ряд разделений угодий дают нам основание говорить не о приватизации конкретного угодья или его доли, а о закреплении доли в общем комплексе угодий. В таком положении оказались, к примеру, саами Пазрецкого и Нвдемского сийтов, продавшие доли в общем угодье. Возможно, такая форма приватизации была следствием того, что эти сийты принципиально не хотели разделять угодья на конкретные части.³³

³¹ В XVII в. мужчина считался взрослым с 14 лет.

³² Согласно словарю В.И. Даля, например, "выть" рассматривалась и в синхронном, и в диахронном значении.

³³ Та же ситуация встречается и в русских волостях, в которых монастыри скупали доли, а потом угодья разделяли между собой «в натуре».

Вряд ли можно выстраивать однолинейно процесс появления личной собственности путем постоянного дробления коллективной. Мы наблюдаем, с одной стороны, постоянно перераспределяющуюся коллективную собственность, разделенную на небольшие угодья и не содержащую в себе закрепленные размеры долей, с другой – собственность, закрепленную за некоторыми членами общины в виде отдельных угодий или не перераспределяющихся долей. Особенно показательными в такой структуре владений являются Нотозерский и Соньяльский погосты, где за нотозерцами Харитоном Юрьевым [Харузин 1890: 356, 397, 435, 455; СМПКП: 97] и за Денисом Яковлевым [Харузин 1890: 398] были закреплены большие угодья. Такие закрепления могли сопровождаться покупкой участков у своих соплеменников. Например, так выглядело угодье Дениса Яковлева в описании его внуков: "вотчинное и наемного и прикупленного полосьма (семь с половиной) участков коренных, да семь участков захребетных, да под Луткой...четверть ночных в лахте и под Каменем и в верхнем заборе против участков коренных, чем дед владел исстари." Эти два богача – Харитон Юрьев и Денис Яковлев – имели особый социальный статус. Оба участвовали во всех сделках и были по очереди старостами. Оба "бигмена" кончили тем, что пожертвовали свои угодья Печенгскому монастырю.

Коллективное владение

Как о противоположной форме собственности можно говорить о коллективном владении угодьями. Для Терских саами была характерна строго консервативная позиция по отношению к «внешним» экономическим мероприятиям. Так, все действия, касающиеся своих ценных рек, они предпринимали коллективно пятью сиййтами (Йоканьгский, Каменский, Лунданский, Тулванский, Пурнацкий), к которым позднее присоединилось и с.Поной. Саами коллективно сдавали в аренду все эти угодья, коллективно отстаивали права на них, коллективно брали ссуды. Исключением является продажа Пурнацкими саами угодий: Пулонгским, Сосновским и Орловским берегами. Продажи этих "берегов" являлись коллективными актами, в которых, видимо, участвовали все члены сиййта, имевшие статус владельцев данных угодий.

Другой формой коллективного долевого владения было владение несколькими сиййтами одним угодьем. Самым ярким примером являлось владение реками Кульйок, Варзина и Дроздовка Терскими саами, с одной стороны, и Ловозерским, Вороненским и Семиостровским сиййтами – с другой стороны [Харузин 1890: 448, 450; ДАИ. XI: 4]. Нотозеро и р.Тулома находились во владении Нотозерского и Саньяльского сиййтов [Харузин 1890: 457, 496; Ефименко 1878: 66; СМПКП: 153], р.Печенга – Соньяльского и Мотовского сиййтов [АИ IV, № 254, СМПКП: 59; СГКЭ II № 136,154; Харузин 1890: 457-458], р.Рында – Вороненского и Ловозерского сиййтов [Харузин 1890: 446,448].

Совместные владения угодьями происходили в форме деления "одна четверть – три четверти" – для первой пары, и пополам ("половина") – для всех остальных. Такую же терминологию авторы рассматриваемых источников применяют к совместным владениям не только саами, но и русских.³⁴ Для

³⁴ Напр.: [СГКЭ II, № 143,160,165; СМПКП: 31].

р.р. Варзины, Кульйок и Дроздовка это деление диахронное, означающее год через три. Остается неясным, возможно ли распространить принцип диахронности на все остальные угодья, находящиеся в личном совладении с фиксированной долей на локальном уровне. Вряд ли можно говорить в этом смысле об озерах Имандра и Умба, так как владение ими было не совместное, а по разным частям.

Отдельно следует упомянуть личное владение представителей одного сиййта угодьями другого сиййта. При этом, как правило, есть группы сиййтов, члены которых участвуют в промыслах одного ареала. Особенно выделяются участие представителей Колдонского, Ловозерского, Вороненского и Семиостровского сиййтов в доле владения, а значит, и выплат на угодьях этого ареала. То же относится к Нотозерскому и Соньялскому сиййтам. Есть примеры подобного участия и представителей других сиййтов, но они не носят столь обычный характер. В таких ситуациях владение обосновывается тем, что они являются «вотчинами» или собственностью «исстари».

Наследование

Из документов, проливающих свет на принципы наследования, видно, что в общинах наследовались не угодья, а имущество. Это проявляется в обязательстве, что в случае смерти заемщика долги его будет выплачивать тот, кто "примет на себя живот" [СМИКП: 72]. Однако при выделении групп владельцев внутри общины появляется и коллективное наследование общих угодий. Например, Орловский берег продавался в два этапа [СМИКП. С. 42-43, 51-52]. В группы продавцов входили люди, не связанные патрилинейным родством, но между людьми из разных групп такая связь прослеживается.

О существовании системы наследования можно заключить по формулам "чем отец мой владел", "чем дед мой владел". Примером являются почти все акты и ссылки на акты муномашских, соньяльских, нотозерских и мотовских саами.

В качестве владелиц угодий среди саами выступают и женщины. Это было характерно для Нотозерских, Соньяльских и Муномашских лопарей. Женщина могла выступать как собственница сама [Харузин 1890: 440], с братом [Харузин 1890: 419, 435] и с сыновьями [СМИКП: 97; Харузин 1890: 398, 444]. Она являлась собственницей своего приданого, переданного её отцом. Распоряжаться приданым мог и муж, но совместно с ней [СМИКП: 41, Харузин 1890: 436]. Характерно, что его имя могло звучать, например, как "Кирилко Андреев, лопин Муномашский, Никифоров зять" [СМИКП: 40-41]. Подобные факты во многом объясняют причины участия членов одного сиййта во владении угодьями, относящимися к другому сиййту. Это – право на владения по материнской линии.

Интерпретации

Подводя итоги, можно сказать, что разные коллективы кольских саами реагировали на внешние вызовы, связанные с обретением части угодий специфического статуса, особо ценных, облагаемых налогами и вызывающих интерес у промышленников.

Подобные вызовы были бы должны заставить саами более строго определять членство в сийтах. Во-первых, это диктовалось необходимостью определения состава податного коллектива, то есть несения ответственности за выплаты налогов и несения повинностей. Во-вторых, теперь право на угодые могло означать право на получение прибыли от его продажи или сдачи в аренду.

Соответственно, такая ситуация повышала значимость именно тех коллективов, которые назывались «погостами». Источники показывают, что некоторые промысловые группы состояли из представителей разных сийтов. Люди могли заниматься промыслами не только в территориальных пределах ареала, в котором платили налоги. Из этого следует, что общество саами в рассматриваемое время не представляло собой систему иерархически соподчиненных групп. В условиях отсутствия жесткой иерархии объединений и их динамичности, «единство» коллектива и его социальные границы являются зыбкими.

В предыдущей работе мы показали, что основой социальной структуры сийтов были группы людей, связанные родством по мужской линии. Социальная роль патрилиний в большинстве случаев проявляется только в наследственном праве пользования угодыми. Иной функции этих объединений нам не удалось выявить по источникам, то есть патрилинии являлись тем, что в литературе обычно обозначают как десцентные группы [Кучинский 2008: 184].

Гипотеза, предложенная Б.Ульсеном, строится на предпосылке, что противостояние приватизации и коллективной собственности было основано на конфликте поколений, исповедующих разную стратегию ответа на внешние вызовы. Источники не дают никаких сведений о конфликте поколений. Те конфликты, которые мы видим, являются конфликтами между разными (как правило, коллективными) владельцами угодий. На наш взгляд, такой институт, как совет старейшин сийта, сложился у саами Кольского уезда позже. Его появление было связано с влиянием государственной политики, повысившей значимость сийтов-«погостов» под влиянием государственной политики. Он не представлял собой партию, противостоящую молодым сторонникам приватизации, как показывает это норвежский коллега. Логично было бы видеть в нем совет старших представителей разных родственных групп сийта, которые отстаивали свои групповые интересы и коллегиально выбирали стратегию поведения перед внешними вызовами.

Использованная литература и источники

- АИ IV – Акты Исторические. Т. IV. СПб., 1838-1846.
АСПБИИРАН – Архив Санкт-Петербургского института истории РАН
Артемова 1987 – Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М., 1987.
Артемова 2004 – Артемова О.Ю. Охотники/собиратели и теория первобытности. М.: Институт этнологи и атропологии РАН, 2004.
Бородкин 1986 - Бородкин Л.И. Многомерный анализ в исторических исследованиях. М., 1986.
Васильев 1982 – Васильев В.И. Ненцы и энцы // Этническая история народов Севера, М.: «Наука», 1982.

Владимиров 2005 – Владимир В.Н. Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2005.

Гарскова 1994 – Гарскова И.М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. М.: Изд-во МГУ, 1994.

ДАИ XI – Дополнение к Актам историческим. Т. XI. СПб., 1889.

Доорн 1993 – Доорн П. Географическое положение, модели взаимодействия и реконструкция исторических поселений и коммуникаций (на примере Этолии, исторической области Центральной Греции. // История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании. St-Katharinen, 1993.

Ефименко 1878 – Ефименко А.Я. Юридический быт лопарей, самоедов и зырян. Приложения I–VIII// Записки Императорского Географического общества. Т. VIII. СПб., 1878.

Калинин 1929 – Калинин И.М. Торговые сношения лопарей с русскими в половине XVII века // Известия Русского Географического общества. 1929. №1.

Ковальченко 1987 – Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

Кучинский 2008 – Кучинский М.Г. Саами Кольского уезда в XVI-XVIII веках. Модель социальной структуры. Каутокейно: Sámi allascuvla, 2008.

Пиотух 2004 – Пиотух Н.В. Картографический метод в исторических исследованиях. // Историческая география: теория и практика. СПб., 2004.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

СКГЭ II – Сборник грамот Коллегии Экономии. Т. II. Л.: Изд-во АН СССР, 1929.

СМИКП – Сборник материалов по истории Кольского полуострова. Л.: Изд-во АН СССР, 1930.

Ушаков, Дашинский 1988 – Ушаков И.Ф. Дашинский П.Н. Ловозеро, Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1988.

Ушаков 1997 – Ушаков И.Ф. Кольская земля // Избранные произведения. Т. Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1997

Ушаков 1997а – Ушаков И.Ф. Кольский Север в досоветское время. // Избранные произведения. Т. 2. Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1997.

Ушаков 1998 – Ушаков И.Ф. Кольская старина. // Избранные произведения. Т. 3. Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1998.

Харузин 1890 – Харузин Н.Н. Русские лопари. М.: Товарищество скоропечати А.А.Левенсон, 1890.

Чернов 1989 – Чернов С.З. Комплексное исследование русского средневекового ландшафта: (Экология культурной среды) // История и культура средневекового города. М., 1989.

Hansen 1996 – Hansen L.I. The Saami Hunting Society in Transition: Approaches, Concepts and Context // *Historia Fenno-Ugrica*. Vol. I:1. Oulu: Societas Historiae Fenno-Ugricae, 1996.

Hansen 2005 – Hansen L.I. The Overlapping Taxation Areas of the North and Nature of the Russian-Norwegian Border in Medieval and Early Modern Times. // *Russia – Norway. Physical and Symbolic Borders*. Moscow: Languages of Slavonic Culture, 2005

Hansen 2006 – Hansen L.I. Sámi Fisheries in the Pre-modern Era: Household Sustenance and Market Relations. // *Acta Borealia*. Vol. 23. #. 1. 2006

Hansen 2007 – Hansen L.I. Categorization and classification of native population by state authorities – the case of the Sámi in Nordland county, Norway during the 17th and 18th centuries. // Studies in Northern European Histories. Vol. 5. Cross-Cultural Communication and Ethnic Identities. Proceeding II from the conference Regional Northern Identity: From Past to Future at Petrozavodsk State University, Petrozavodsk 2006. Luleå: Luleå University of Technologies, 2007.

Olsen 1987 – Olsen B. Stability and Change in Saami Band Structure in Varanger Area of Arctic Norway, AD 1300–1700 // Norwegian Archaeological Review. Vol. 20. № 2. 1987.

Olsen 1988 – Olsen B. Interaction between Hunter-Gatherers and Farmers: Ethnographical and Archeological Perspectives // Archeologia Polski. XXXIII(2). 1988.

Porsanger 2007 – Porsanger J. Bassejoga čáhci: gáldut nuortasámiid oskkoldaga birra álgoálbmotmetodologijaid olis. Kautokeino: Davvi Girji, 2007.

Сведения об авторе

Кучинский Максим Геннадьевич –

кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Kuchinskiy Maksim Gennadievich –

Ph. D. (history) researcher of Barents centre of the Humanities KSC RAS

УДК 316.334.52(470.21)

Ж.Э.Каспарьян

**ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

Аннотация:

В статье поднимаются вопросы оценки эффективности социальной политики как сложной научно-прикладной задачи. Предлагается уточнить понятие социальной политики, которую с учетом важности экономических аспектов предлагается рассматривать как социально-экономическую политику. Рассмотрены гражданско-правовые, идеологические, экономические, социальные статистические, методологические и другие аспекты, составляющие особую сложность в оценивании эффективности реализуемой политики, на основании чего обосновывается необходимость разработки рациональной общетеоретической и практической основы для проведения исследований в этой области.

Ключевые слова:

социально-экономическая политика, эффективность, региональная политика, управление, оценка